

К Р О К О Д И Л

R 556/43г

КУКРЫКСЫ - 43

Рис. Кукрынксы

ПОПУЛЯРНАЯ РУССКАЯ ПЕСНЯ
— Потеряла я колечко!.. (А в колечке 22 дивизии).

Удар за ударом ✓

Вытянуты физиы,
Ужас на лице:
Двадцать две дивизии
Наглухо в кольце!

На Дону — мертвецкая,
На Кавказе — ад,
Кладбище немецкое —
Волжский Сталинград.

«Храбрецы» румынские
Поппадают в плен.
Выкладки берлинские
На поверку — тлен.

Видимо, срывается
На Восток поход...

Гитлер извивается,
Вытирает пот.

Немцам поражение
Всё трудней скрывать.
Что ж про положение
Скверное наврать?

Про войну тотальную
Враль статью строчит.
Явно погребальная
Нота в ней звучит:

«Кто сказал: мы бегаем,
Получив афронт?!
Фюрера стратегия
Выпрямляет фронт!»

Брежуны немецкие,
Жалок ваш рассказ.
Воины советские
Быют и гонят вас.

Правда — словно радуга:
Свет и синева.
Немца лупит Ладога,
Немца бьет Нева.

Волхов поднимается,
Немчуру валя.
С немцем расправляется
Русская земля.

Басен сочинители,
Что вам врать сейчас?!

Близится, грабители,
Ваш последний час.

Немчуру преследуя,
Рвём убийц мундир.
Русскою победою
Радует эфир.

По эфиру катится
Русской правды глас:
Головой поплатится
Враг в последний час!

Сергей АЛЫМОВ

НЕРАСТОРОПНЫЕ СЛУГИ

Рис. Бор. Ефимова

— Чорт знает что! Столько народу послал на Кавказ за нефтью,
а обратно ни нефти, ни народу!

Вместо рецензии

НЕПРЕДВИДЕННОЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВО

Рис. К. Елисеева

ЛЮБЛЮ смеяться. А поэтому завидую сейчас жителям Лондона.

На днях в Лондоне, в одном из лучших кинотеатров, будет демонстрироваться очень интересный, очень смешной кинофильм.

Заранее можно сказать, что зрители получат величайшее удовольствие. Самые лучшие комические фильмы с участием Чарли Чаплина, Бестер Кейтона, Гарри Ллойда и других популярных мастеров смеха никогда не вызовут такого весёлого оживления в зале, как эта немецкая кинокартина с участием знаменитого африканского чемпиона по бегу на большие дистанции — генерала Роммеля.

Автор сценария и постановщик фильма уделит много внимания пейзажу. В фильме уйма пирамид, гор и живописных мундиров. Пирамиды — египетские. Горы — кавказские. Мундиры — немецкие.

Всё это вместе называется «Поход Роммеля». Коротко и ясно. Само собой подразумевается, — победоносный поход.

Давайте вспомним. Это было давно. Мы думаем, что сам Роммель уже забыл, когда это было. Ведь неприятное и вспоминать неприятно.

Но если память нам не изменяет, этот эпизод имел место летом прошлого года. Роммель бодро шагнул по египетской земле. Роммель шёл на Александрию. Роммель приближался к Александрии, Роммель остановился под Александрией.

Но тут же, вконец, Роммель побежал. Не в Александрию. А в обратную сторону. И бежит он без оглядки вот уж несколько месяцев, вплоть до сегодняшнего числа. Такой бег в военно-спортивных кругах называют «драпом». По-немецки — «дер драппе».

Но ещё в те дни, когда «дер драппе» не начинался и Роммель с высоко поднятой головой стоял почти у самых ворот египетской столицы, в Берлине случилось обычное для гегершнего Берлина событие: Геббельс занемог недержанием лжи. И вот из маленького туалета уродца забил мощный фонтан брехни.

Болезнь осложнилась настолько, что Геббельс сочинил «Документальный фильм — «Поход Роммеля».

Документы бывают подлинные и поддельные. Геббельсу, как известно, тесно и неудобно в узких рамках действительных фактов. Фальшивомонетки утверждают, что деньги

их собственной продукции несравненно лучше настоящих.

В геббельсовском фильме очень красочно показано вступление германских войск в покорённую — не Роммелем, а Геббельсом — Александрию. Бьют барабаны. Гудят фанфары. Стучат подкованные сапоги. Блестят мундиры. Сияет Роммель.

А жители Александрии между тем восторженно встречают победителей, аплодируют, радостно улыбаются и забрасывают их цветами.

Но одной Александрией Геббельс не пожелал ограничиться. Ему нужен не короткий, а многообъемлющий фильм.

И Геббельс, ничтоже сумняшеся, начинает завоевывать новые города и страны. И опять мы видим в фильме блеск немецких мундиров и сияние Роммеля. И опять местное население улыбается и расходует все свои сбережения на цветы.

Но и этим фильму не заканчивается. Геббельсовский фонтан даёт новую огромную струю. Пирамиды и пески сменяются горами.

Это Кавказ. Вон куда Геббельс потащил Роммеля! И Роммель на картине высок и могуч, а Казбек и Эльбрус, как горы неарийского происхождения, щуплы и ничтожны.

По горам ровным шагом проходят немецкие солдаты в блестящих мундирах. Неистовствуют барабаны и фанфары. И опять местное население — см. кадры об Александрии и других покорённых в фильме горздах.

Но английская 8-я армия, как теперь стало известно, тогда ещё не была знакома с этим забавным сценарием. И английские войска в Африке повели себя так, что разрушили всю геббельсовскую постройку. Игра главного актёра этой картины — Роммеля — закончилась очень печально.

А фильм уже был готов и разослан на места. Срочно из Берлина полетел приказ — изъять картину, не показывать её!

Приказ выполнен. Изъяли. Кроме одного экземпляра.

Кроме того самого экземпляра, который попал в Африке в руки англичан.

Этот экземпляр и доставлен в Лондон. На днях немецкий фильм «Поход Роммеля» будет показан лондонской публике.

А поэтому очень завидую сейчас жителям Лондона. Я ведь тоже люблю смеяться!

Г. РЫКЛИН

— Прошу извинения, господин обер-лейтенант! Я вынужден на минутку бросить верёвку: мне спешно нужно поднять руки.

Метким ударом

(По столбцам красноармейской печати)

ВЕЗЁТ

— Наш Фриц познакомился в России с Катюшей. Везёт человеку! Во Франции у него были Марго, в России — Катюша.

— Да, везёт! Марго от него была без ума, а от «катюши» он остался без головы. («Боевая красноармейская»)

НЕВОЗМОЖНОЕ

ФЮРЕР:— Я требую, чтобы вы этих больных поставили на ноги.

ДОКТОР:— Сожалею, фюрер, что этого не могу сделать, так как большинство из них оставило свои ноги на Восточном фронте. (Фронтовой журнал «Залп»)

В РАЙОНЕ ДОНА

— Господин фельдфебель, скажите, пожалуйста, почему мы отсту... то есть двигаемся на запад?

— Вы не читаете берлинских газет, а в них Геббельс ясно рассказывает, что мы по приказу фюрера отходим на запад, чтобы в 1943 году быть ближе к главному командованию германской армии.

(«В бой за родину»)

В РОЗОВЫХ КРАСКАХ

— Ну, каковы наши успехи, герр генерал?
— Просто великолепны. По моим данным, мы победно отступаем, а русские беспорядочно бегут за нами.

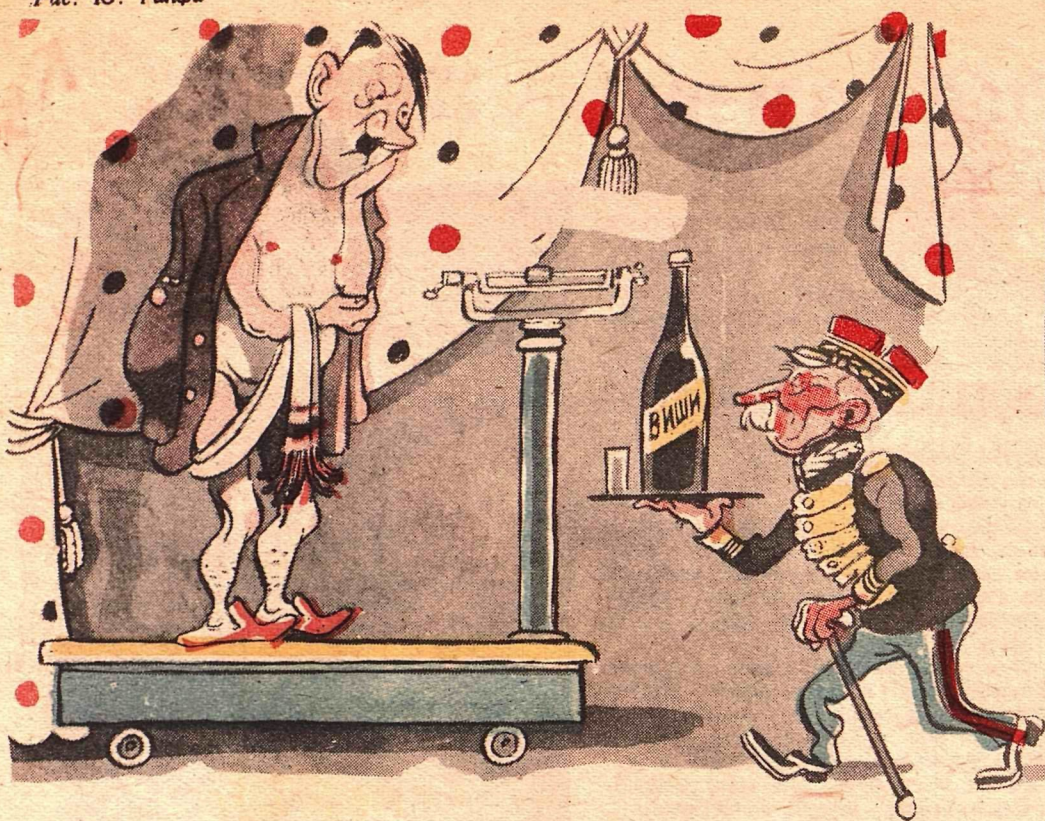
(«Во славу родины»)

НА ВОРОНЕЖСКОМ ФРОНТЕ

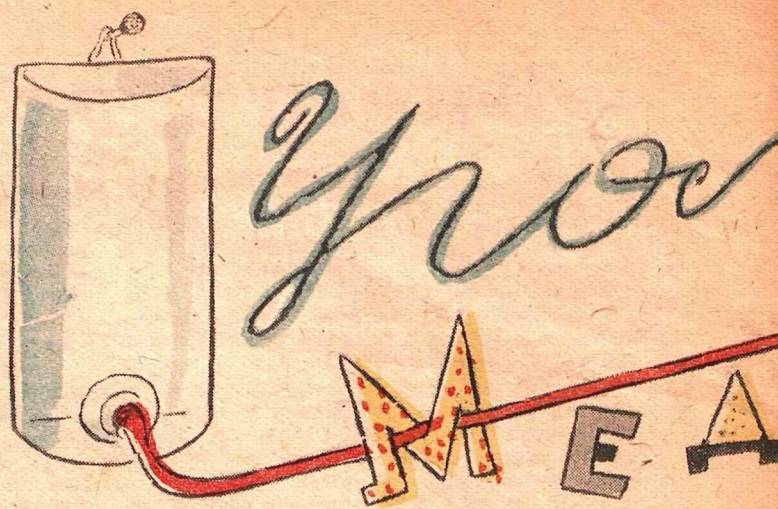
Рис. Б. Клинка

— Как протекает выравнивание фронта?
— Очень быстро, господин полковник!

Гитлер от Минеральных Вод потерял аппетит, сон и много дивизий. Ему даже Вишни не помогают.

Лаваль не может разогнуть поясницу.

У Хорти плохой анализ: не хватает жиров, сахара, хлеба, мяса и солдат.

1 декабря 1942 года. Итак, я нахожусь в хельсинском сумасшедшем доме. Всё протекает нормально, если не считать крыши дома, в котором мы живём. Крыша протекает сверх всякой нормы. Но, к счастью, тёплые погоды пришли к концу, и вскоре должны ударить сильные морозы, специально организованные русским командованием. Так, во всяком случае, говорили наши немецкие покровители в прошлом году, так они будут говорить и в этом. Оно и понятно. Издавна уж так заведено: если не о чём говорить, то говорят о погоде.

Сегодня утром в мою палату пришёл представитель правительственной газеты и, вежливо поздоровавшись, сказал:

— Эркко Отошайнен, редакция поручила мне написать статью от вашего имени. Вызвано это следующим обстоятельством: среди населения распространился слух, будто бы вы попали в сумасшедший дом по приказу немецкого генерала Дитла.

Услышав такие слова, я возмутился:

— Это ложь и сущая клевета! Я не позво-

лю, чтобы на наших дорогих союзников возводили напраслину! Я сам напишу статью!

— Очень хорошо, — ответил представитель газеты, — завтра я зайду сюда за вашей статьёй.

— Пожалуйста, — вежливо сказал я, — всегда рад видеть в нашем сумасшедшем доме представителя правительственной газеты. Приходите чаще. У нас тут довольно мило. К тому же сумасшедший дом — единственное государственное учреждение Финляндии, где можно поговорить с нормальным человеком.

2 декабря. Утром я вручил представителю газеты свою статью. Выглядела она так:

«Господин редактор! Заявляю открыто, что в сумасшедшем доме я очутился по собственному желанию, в силу создавшихся обстоятельств. Генерал Дитл даже и не думал меня сажать в сумасшедший дом. Наоборот, заботясь о моём спокойствии, он требовал посадить меня в тюрьму, и обязательно в одиночную камеру. К великому огорчению генерала Дитла, полиция не смогла оразу же выполнить

его приказание, ибо строительство тюрем в Финляндии всё ещё отстаёт от бурного роста потребности в таковых.

С совершенным почтением

Эркко Отошайнен

г. Хельсинки, сумасшедший дом имени барона Маннергейма».

15 декабря. Ура! Статья моя произвела огромное впечатление. Вечером ко мне пришёл полицейский агент и громко заявил:

— Эркко Отошайнен! Правительство, ознакомившись с вашей статьёй, признало свою ошибку и приказало выпустить вас из сумасшедшего дома!

— Большое спасибо, — сказал я, вытирая слёзы.

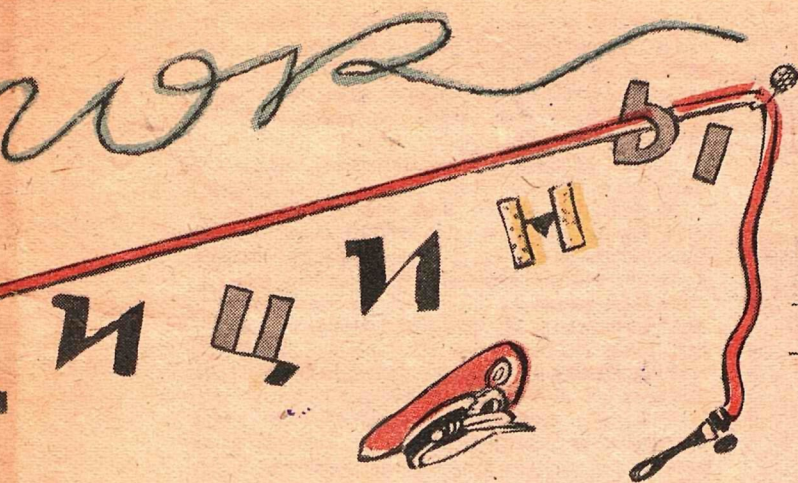
— Приказано вас выпустить из сумасшедшего дома и сразу же отправить в тюрьму. Следуйте за мной!

29 декабря. Из министерства юстиции пришло разъяснение:

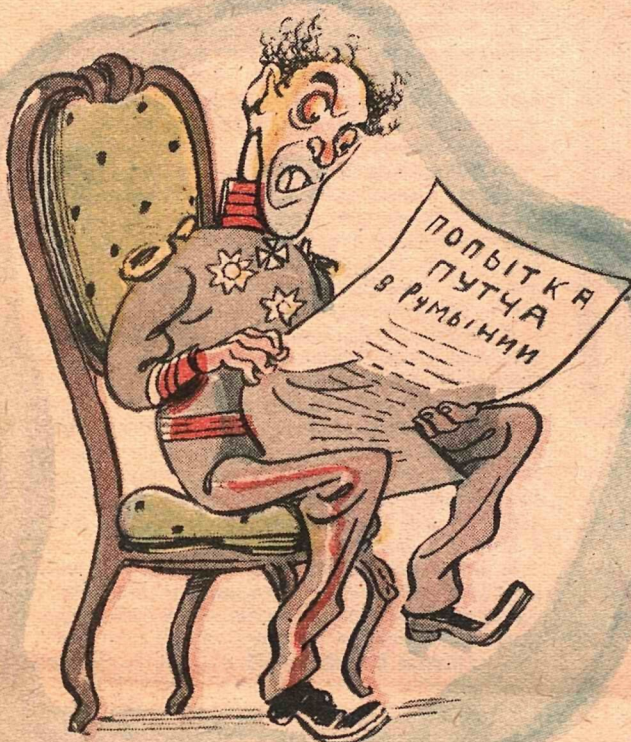
«Бывший солдат Эркко Отошайнен осуждён на 15 лет».

Поблагодарив начальника тюрьмы за гадость, которую он мне доставил этим изве-

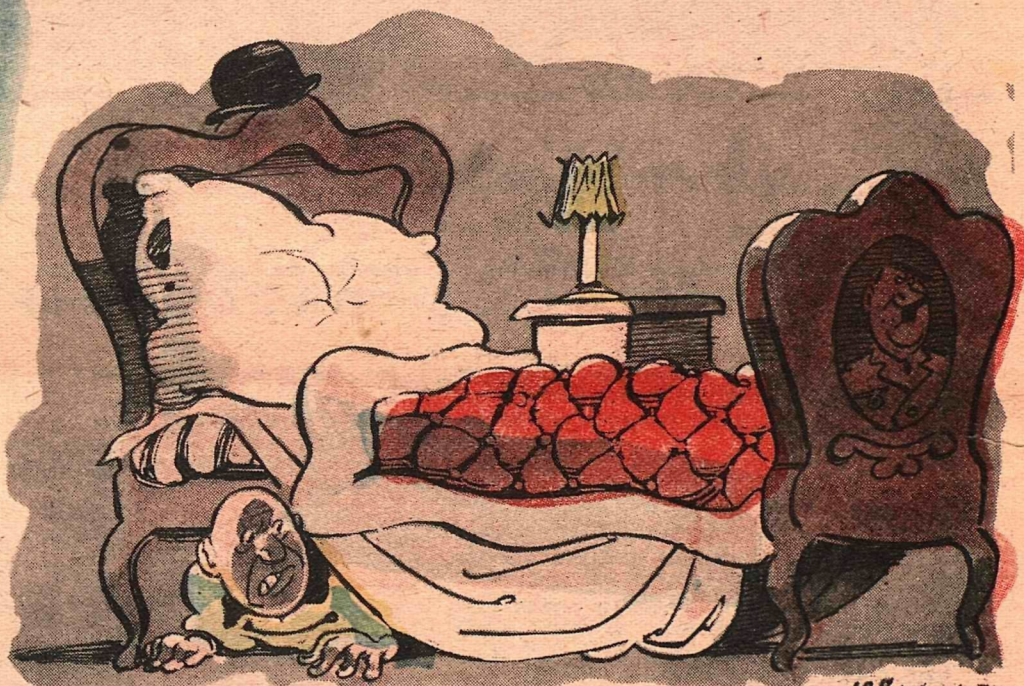
✓ Новые записки Э

У Муссолини налёты поперёк горла

Антонеску «туптит».

Юрков 45

Ввиду того что фюреру не поздоровилось, Квислинга трясёт лихорадка. Он очень боится осложнений.

Отощайнена

стием, и, вспомнив, что приближается Новый год, я обратился с таким предложением:

— Хорошо бы устроить ёлку для арестантов и пригласить на этот вечер наших союзников. Пусть знают, что финны и в тюрьме сохраняют бодрость и довольны «новым порядком». Вас за это определённо наградят, а нам всё-таки развлечение.

Посоветовавшись кое с кем, начальник согласился. Организатором новогоднего тюремного праздника был назначен я.

Концерт подготовил тоже своими силами.

31 декабря. Я написал песню и посвятил её от имени финнов нашим немецким союзникам. Музыку подобрал готовую. Есть такая песня «Давай пожмём друг другу руки». На этот мотив я написал новые слова:

«В один момент всех нас раздел ты.
Но что за счёты меж друзей?
Мы без штанов ускорим темпы,
Чтоб с поля боя убежать скорей.
Свой смертный час и злые муки
Готов делить с тобою я —
Давай возьмём друг друга в руки,
В могилу вместе ляжем, как друзья.
Ведь наш союз, как цепь стальная,
Взаимной выручкой хорош:

Я за тебя в Карелии страдаю,
Ты за меня с моей женой живёшь.
Судьба у нас одна и та же:
Ведь нас в Госсии ждёт беда.
Мы вместе здесь в могилу ляжем.
И в дальний путь на долгие года».

...После того, как я исполнил эту песню, часы пробили двенадцать.

Ко мне подбежал начальник тюрьмы и, волнуясь, произнёс:

— Поздравляю вас, Отощайнен, с Новым годом!

Я хотел обнять начальника, но он ловко увернулся и, изо всей силы ударив меня по щеке, добавил:

— За исполнение этой вредной песни к вашему сроку прибавляется ещё один год отсидки в тюрьме. Итого шестнадцать лет. С Новым годом!

20 января 1943 года. Сижу. Всё-таки здесь лучше, чем на фронте.

Мих. ЛЕВИТИН

Действующая армия.

Всюду север ✓

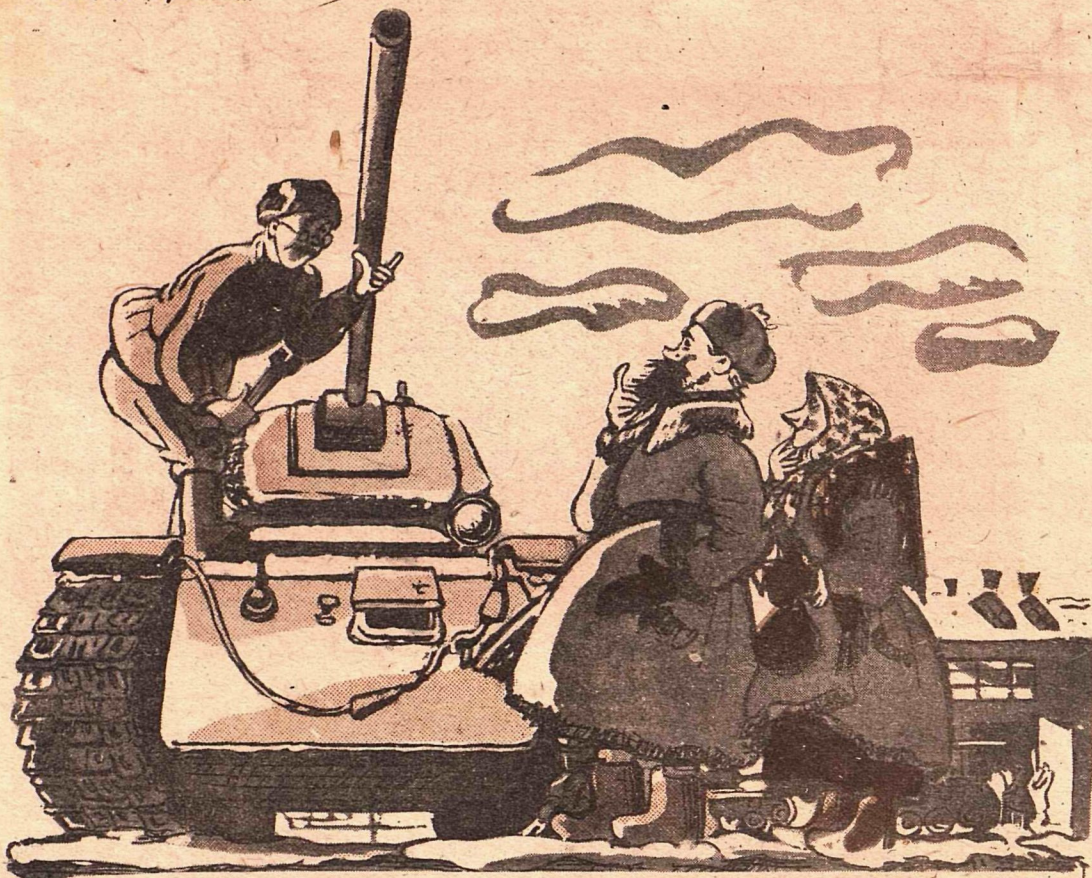
Фюрер Гитлер сердит и расстроен:

«Ох, не так обернулась война!
Север, север! Губительный север!
Роковая для нас сторона!
С этим севером вечное горе!
Этот север терзал нас не раз:
То топили нас в Северном море,
Нынче Северный бьёт нас Кавказ.
Уж на юге совсем — что за жалость! —
Север встал, моё войско гоня.
Даже Африка оказалась
Слишком северною для меня!»

С. БОЛОТИН

Действующая армия.

Рис. Б. Фридкина

— А танк хорош?
— В полном порядке! Сами покупаем их для армии!

Фронтовые рассказы

ПОГОЛОВНО все знакомые завидовали Александру Лукичу, а самые близкие, те, которые друзья, даже говорили всякие гадости, например:

— Интересно знать: чьи пороги он окопачивал?..

Или ещё:

— О! Будьте уверены: тут были и умилённые слёзы и битьё себя в грудь. Он это умеет.

Но как раз наоборот: Александр Лукич этого не умел, и слёз никаких не было, а всё вышло гораздо лучше и проще.

Ещё с самого начала войны он пришёл в один из первых госпиталей, пришёл сам по себе, безо всякого месткомовского благословения или направления, и сказал:

— Вот я старый актёр. Времени у меня свободного столько-то. Можете им располагать, как найдёте нужным, лишь бы с пользой.

С этих пор он почти ежедневно читал раненым вслух. Читал Гоголя и Чехова, и так спокойно, как-то вкусно и в меру выразительно, что раненым это было, как они сами говорили, лучше всяких лекарств. И вот один раненый подполковник взял с Александра Лукича слово:

— Как только я вернусь в часть, я вас вышину и вы обязательно к нам прикатывайте. Договорились? Надо, чтоб наши ребята вас послушали, уж больно хорошо!

На вокзале его провожала жена, его старенькая Сонечка. Она воображала, что раз уж поехал штатский человек на фронт, — значит попадёт он в самое опасное место, прямо к чорту в пекло, даже страшно подумать. Она не спускала своих поблёкших, но всё ещё красивых глаз с мужниной, такой не фронтовой наружности — морщинки, мешочки, складки, жавотик — и шептала:

— Шурик, ты только обещаешь мне не рисковать, голубчик!..

И, чтобы успокоить её, Александр Лукич обещал не рисковать.

Но Александр Лукич попал на фронт как раз в такой момент, когда там было не пекло у чорта, а некоторое затишье. И это значило, что все ходили совсем готовые, собранные и, между собой говоря, ждали приказа о наступлении.

Александра Лукича возили из подразделения в подразделение на розвальнях, заботливо кутая в тулуп, водили из блиндажа в блиндаж, поддерживая под локоток, его звали ласково «папаша», его угощали настойчиво и даже как-то повелительно: «Кушайте, кушайте, без никаких!» — где жареной бараниной, где гречневой кашей с салом, где чаем с печеньем. У Александра Лукича совершенно размякло сердце, расстроился желудок, но он был счастлив и читал, читал вслух и даже один раз всю ночь шапуролет.

Но вот кончилась командировка, и он, точно от родной семьи, поехал с фронта домой.

На вокзале его встречала старенькая Сонечка. Она вскрикнула, как, бывало, в молодости, на сцене, и подбежала к нему:

— Жив? Не ранен? Ну слава богу! Ну как там, страшно, ужасно страшно?

— Да нет, — сказал Александр Лукич, — там сейчас тихо.

— Как тихо? Но ведь стреляют, бомбят? Тебе, наверное, приходилось ползать, да?

— Нет, Сонечка, я ни разу не ползал. Да и как-то неудобно: чего бы я вдруг пополз ни с того, ни с сего!

Лицо у Сонечки стало удивлённое и даже какое-то огорчённое. Александр Лукич сразу почувствовал себя в чём-то виноватым. Но он, как всегда, рассказал ей обо всём и даже недобрым словом помянул свой расстроенный желудок. Сонечка руками всплеснула:

— Господи! Ты не вздумай это вечером рассказать, когда люди придут на тебя поглядеть. Господи, на фронте — и вдруг какой-то желудок! Только с тобой и может случиться... Александр Лукич привёл себя в порядок,

почистился с дороги и отправился сдавать отчёт о командировке. Главный бухгалтер встретил его радостно:

— А! Гренадер, фронтовик! Возмужал, брат!

— Побойся бога, Иван Иванович, мне 58 лет, куда ж мне мужать?

— Нет, нет, всё равно возмужал, окреп. Ну как, брат, жуть?

— Нет, там сейчас и-не очень жуть...

— Ну-ну, ты мне тут храбреца не строй. От старого друга не скрывай. Каску, небось, дали, от осколков-то?

— Нет, каски не было, — с сожалением сказал Александр Лукич, — и осколков... осколков тоже не было.

Иван Иванович недружелюбно посмотрел на Александра Лукича и сказал:

— Та-ак, секреты от друзей заводите! Съездили и засекретились. Ну, что ж, я не виноват. А вот в отчёте мы выйдем, да-с. Это что тут за цифры наворочены? Почему такое? Из какого расчёта?

— А немца хоть одного убили? — спросила заместительница Ивана Ивановича.

— Мм... Убил! — вдруг, неожиданно для самого себя, сказал Александр Лукич.

— Ой! — сказала заместительница. — А какие они, противные?

— В точности как в газетах описывают, — уклончиво ответил Александр Лукич. — Ну я, конечно, вообще-то оно жуть, но уж я сейчас как-то начал забывать, отошёл. А, впрочем, я чего-нибудь припомню...

— Ага, наслы-то! — сказал Иван Иванович. — Рассказывай, брат, всё как есть.

А вечером собрались гости. Александр Лукич поймал на себе обеспокоенный сонечкин взгляд и кивнул головой.

— Только рассказывайте о себе и ничего ничего не пропускайте, даже самого-самого страшного! — пискнула пожилая жена суфлёра.

— Представьте себе — ночь. А над траншеями носится на кругах ижний чёрный самолёт... А мы в маскировочных халатах, да, и в касках... ползём себе, да...

А после ужина и портувейна, бутылку которого подарил ему на прощанье подполковник, Александр Лукич говорил, сияя глазами и встряхивая седой гривкой:

— Схватил я мой парабеллум и вонзил ему штык...

— Да разве у парабеллума есть штык?

— Ах, да не мешайте вы человеку на самом интересном месте! Подумаешь, важность — есть штык или нет штыка! Важно, что воткнул! Золотко, Александр Лукич, куда воткнул-то?

Гости разошлись поздно, поголовно все восхищённые и завистливые. Сонечка молитвенно смотрела на Александра Лукича. Он выпил стакан крепкого чая и сказал:

— Сонечка, мой друг, ты ложись. А я ещё посижу. Напишу своим, на фронт.

И вот что он написал:

«Дорогие мои друзья! Вот я и дома. А мыслями с вами. Отогрели вы старика и помолодели. Удивительный вы народ на фронте...»

Письмо получилось длинное и трогательное, на трёх страницах, а в постскриптуме Александр Лукич написал:

«Р. С. Да, вот ещё, забыл: если вы услышите от кого-нибудь, что Лукич, старый грешник, рассказывает всем бог знает какие страшные рассказы о том, как он воевал на фронте, — голубчики, не осудите! Честное слово, это не я. Это обстоятельства так сложились...»

А вам, родные мои, от всей души желаю: как только приказ получите, так и начинайте — действуйте! Бейте! Побеждайте, дорогие герои! Когда вернётесь, вас горячо встретят дома. В вашу честь будут давать обеды и ужины, приглашать вас на чай и на вечера, будут вам назначать свидания и все — ваши мамы и кестрёнки, братья и сынишки, и прелестные девушки — все будут требовать от вас рассказов, рассказов и рассказов! И я от души завидую вам: у вас есть о чём рассказывать! Вам не придётся мучиться с этими фронтовыми рассказами, как сейчас приходится мне.

Всех вам благ и побед!

Ваш Александр Лукич.

В. КАРБОВСКАЯ

Чёрствые именины

НЫНЕШНЯЯ зима не принесла гитлеровским трюмам никакой радости.

Дурные вести с Восточного фронта, невесёлые весточки из Северной Африки. Остаётся развлекаться внутренними германскими делишками. По этой причине гитлеровцы с большой помпой отпраздновали именины двух тузов уголовно-фашистской шпаны — Германа Геринга и Альфреда Розенберга. Тузы уже в солидных летах. Каждому стукнуло по пятьдесят годков, а при такого рода деятельности это прямо мафусаилов возраст.

Как полагается, именинников поздравил адъютант Фюрера, некто Шауб.

Вслед за баринком ринулись поздравлять дворня, лакеи и мелкая челядь. Из Венгрии прислали Герингу орден Короны. Орден, конечно, не из важных. Надо иметь в виду, что на груди и на животе у Геринга давно не умещаются все присвоенные ему регалии. Для ордена Короны, следовательно, придётся приискать место по ту сторону фасада его высокопревосходительства.

Финны тоже выразили радость по поводу дня рождения двух гитлеровских сановников. Но в совершенно телячий восторг впали итальянцы. Эти просто визжали от восхищения.

Оказывается, что Геринг — «лучший друг итальянского народа», что итальянский народ чувствует «особенную любовь к особе Геринга». Муссолини, зная любовь Геринга к ценным вещам, прислал подарок — шпагу с золотой рукоятью.

Именинник должен особенно высоко оценить этот подарок. Известно, что итальянская армия, в частности итальянские генералы, чувствуют острую нужду в этом оружии. Дело в том, что сдававшиеся пачками в плен итальянские генералы торжественно вручали свои шпаги противнику. Поэтому в шпагах сейчас в Италии нехватка. Но для Геринга нашлась одна, и даже с золотой рукоятью.

Мы забыли сказать о румынах. Румыны не преминули поздравить обоих именинников. Надо сказать, они совершили некоторую бестактность. Обычно челядь идёт по стопам хозяев. На этот раз Ион Антонеску опередил Геринга и Розенберга. Он отпраздновал свои именины несколько раньше. Это был не совсем обычный праздник.

Настроение у именинника было среднее. В стране начались волнения. С часу на час приходили мрачные вести с Восточного фронта. В Бухаресте объявили осадное положение. Словом, самое подходящее время для празднования дня рождения.

Праздник происходил в королевском дворце. Самую трогательную, самую волнующую и прощальную речь в честь Иона Антонеску произнёс заместитель премьер-министра румынского правительства. По общему мнению, это была превосходная, достойная такого торжества речь.

И эту речь произнёс не кто иной, как Михаил Антонеску, «профессор», заместитель премьер-министра и кузен диктатора Румынии Иона Антонеску. «Профессор» Михаил Антонеску без ложной скромности назвал своего кузена великим. И все согласились с ним: кому же лучше знать диктатора, как не его кузена?

Речь несколько подняла настроение собравшихся на праздник. И всё же настроение гостей было какое-то не праздничное, неподходящее для такого случая настроение. Не то именины, не то панихида. Единственное, что несколько успокаивало румынских бояр, — это мысль о том, что надвигающиеся именины Фюрера тоже будут не очень весёлыми.

Многие из тех, кто обладал хорошей памятью, вспоминали прошлое и припоминали слова Фюрера, сказанные в разное время.

Слова были такие:
 В 1940 году: «Мы выиграли войну».
 В 1941 году: «Мы выиграем войну».
 В 1942 году: «Мы должны выиграть войну».
 В 1943 году: «Мы не будем капитулировать». До именин ли тут после этого?

Л. НИКУЛИН

— С тех пор как Фюреру пришлось проститься с видами на Кавказ, он велел убрать все кавказские виды.

Буква «Н»

На конверте буквы пляшут,
 Так и пляшут трепак.
 Письмецо пришло Наташе
 От блондина-моряка.
 За год в письмах краснофлотца
 Вроде всё без перемен:
 Дескать, жив он и дерётся
 За советский город «Н».
 На какой же параллели
 Этот город «Н» залёг?
 Странный город! Неужели
 Привирает паренёк?!
 «...Залит солнцем город южный,
 Что за солнце! Всё отдашь!
 Волны пеною жемчужной
 Освежают наш блиндаж...»
 То в туманах вечных город,
 Злой мороз лицо обжёт.
 И на льжи вдруг с линкора
 Перепрыгнул морячок.
 То на дне реки стерлядок
 Он фашистами кормил...

Эх, на враки милый падох —
 И Наташе стал немил.
 В самом деле, что за странный
 Этот самый городок:
 Он и знойный и туманный,
 Всё Наташе невдомёк.
 Но когда перечитала
 Всё с начала до конца,
 За себя ей стыдно стало
 И отрадно за бойца.
 Нет! Моряк не привирает,
 И на милом нет вины:
 Верный долгу, он шагает
 По крутым путям войны.

* * *

С буквы «Н» долой завесу!
 Защищал герой-солдат
 Севастополь и Одессу,
 Ленинград и Сталинград.

В. ГРАНОВ

Короткий разговор

В НЕМЕЦКОЙ ШКОЛЕ

Учитель задал ученику вопрос:
 — На нашем складе было 1000 бомб.
 Прибавили 3, сколько получилось!
 — 1003, господин учитель.
 — Неверно! — перебил его сосед по парте. — Если добавленные бомбы советские, ничего не останется!..

РАССУЖДЕНИЕ ФРИЦА

— Когда Гитлер думает за нас, мы погибем. Когда же мы сами за себя подумаем, погибнет Гитлер.

ПРИЧИНА И СЛЕДСТВИЕ

— Наш генерал лопнул от злости.
 — Это оттого, что русские его здорово надули.

94

ОБЯЗАТ. ЭКЗЕМПЛЯРЫ

9 ФЕВ 1943

ПЕРЕКЛИЧКА ДОНА С КУБАНЬЮ

Посо Ки Палаз Полу

срок и серия	„Лет выпущен“	„Журн. лет“
Получ. в ред.		

306

Рис. Л. Бродаты

С донского на кубанский рубеж.

3/1/43